

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АРГУМЕНТАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

3.1. Идейные истоки, теоретические источники отечественной теории и философии аргументации: калининградская школа аргументации профессора В. Н. Брюшинкина

Введение

Среди идейных истоков отечественной теории и философии аргументации выделяется, прежде всего, первая в России «Риторика» митрополита Новгородского и Великолукского Макария.

По своему значению она была значительно большим, чем вольный перевод «Риторики» наставника немецкого народа Ф. Меланхтона. С текста Макария в отечественной теории и философии аргументации начинается масштабный процесс адаптации и включения древнегреческой и средневековой латинской философской терминологии в корпус отечественного философского языка.

Риторические идеи Макария, которые ввела в широкий европейский филологический оборот в 1980 г. немецкий филолог Р. Лахманн, указывали и на их зависимость в понимании предмета риторики от Ф. Меланхтона, и на относительную самостоятельность, т. к. не исключали понимания риторики вслед за Аристотелем, как универсальной науки об убеждении.

Не используя понятия аргументации, М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) уточнял риторические представления Макария. Он подчеркивал, что риторика как «красноречие есть искусство о *всякой материи* говорить и тем *преклонять других к своему об оной мнению* (все выд. мною. — В. Ч.)^{*}.

В приведенном определении неявно были представлены две дальнейшие перспективы развития отечественной риторики. Одна, как учения о мыслеречевой и коммуникативной деятельности преклонения (убеждения), и вторая — как трансформация риторики в филологическую теорию стиля в духе Ф. Меланхтона.

В силу разных объективных и субъективных причин после М. В. Ломоносова мейнстримом отечественной риторики стал филологический курс на растворение ее в теории стиля. Вследствие этого в XVIII – XIX вв. в отечественной риторике интерес к особенностям убеждения (аргументации) переместился с авансены на задворки отечественной научной и философской мысли.

В таком идейном контексте исследование аргументации в отечественной культуре конца XIX – начала XX вв. стало проводиться не в риторике, а в формальной логике, учении о выводе.

В рамках традиционной логики им занимался, например, М. И. Каринский в работе «Классификация выводов» (1880). В ней различались выводы дедуктивные и индуктивные, положительные и отрицательные, гипотетические. Также и в учебной отечественной литературе по логике убедительный вывод обычно рассматривался как дедукция, логическое доказательство и причинно-следственное объяснение (например, в знаменитом учебнике Г. И. Челпанова).

В отечественной литературе по логике доказательство понималось как приведение таких истинных или очевидных доводов, которые позволяют выявлять истинность некоторого еще не

^{*} Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. Т. 7. — М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 91.

вполне очевидного положения (тезиса) и рассматривалось как аргументация. Последняя, как приведение истинных аргументов, и являлось ничем иным, как логическим доказательством.

Формально-логическая стратегия истолкования аргументации не изменилась и после того, когда российское научное сообщество стало активно заниматься трансформацией классической формальной логики в логику математическую. В отечественной математической логике все отчетливее стало выявляться следующее важное обстоятельство. В процессе логико-математического моделирования различных видов рассуждений и выводов границы логического и математического доказательства всё более и более приближаются к границам естественного языка, однако никогда не совпадают с ними полностью. С этой точки зрения, необходимость аргументационного поворота в современной логике была и остается магистральной для логической науки и в XXI в.*.

1. О теоретическом источнике, эволюции и современном состоянии отечественных концепций теории и практике аргументации

Важнейшим и до сих пор все еще не вполне оцененным по достоинству теоретическим источником современных отечественных концепций теории и философии аргументации является теория спора С. И. Поварнина.

В работе «Спор. О теории и практике спора» (1918)** уроженец Бреста еще в первой четверти прошлого века указывал на полезность и необходимость аргументационного поворота в логике и риторике.

Для С. И. Поварнина концептуальной рамкой теории и философии аргументации была, однако, не риторика как теория стиля и не логическое учение о доказательстве, а новая коммуникативная

* Чуешов В. И. Возможен ли аргументационный поворот в современной логике, или о предельных основаниях в XXI веке // РАЦИО. ru. 2009. № 2. С. 240–254.

** Поварнин С. И. Искусство спора: О теории и практике спора. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, СПб.: Северо-Запад, 2009.

теория спора (диалога). Такая, которая, фактически, порывала с односторонними идейными традициями как экспрессивной риторизации, так и формальной логизации аргументации.

Уже название пионерской по меркам не только отечественной истории работы профессора Петроградского (Ленинградского) университета ориентировало читателя в том направлении, что учение об аргументации не вписывается без остатка в предметные области и риторики, и(или) логики по отдельности, т. к. раскрывается только в предметной области их нового диалогического коммуникативного единства в виде теории (науки) и практики (искусства, мастерства) спора (диалога). Если бы сегодня нам пришлось решать задачу подбора для обозначения концепции С. И. Поварнина не используемых им самим неологизмов, то ими могли бы стать, как мне представляется, такие коммуникативные понятия, как *рилогика* и *логориторика*. Иначе говоря, своеобразные коммуникативные гибриды логики и риторики, открытые для ассимиляции материала из других научных дисциплин. Прежде всего таких, в которых проясняется характер *убедительности* логического доказательства, особенности *доказательности* использования определенных экспрессивных фигур и тропов мысли и слова. Объективным аналогом концептуально постигаемого С. И. Поварниним коммуникативного единства логических, риторических, социально-психологических оснований спора, как мне представляется, была противоречивая духовно-психологическая атмосфера Советской России 1918 г. Атмосфера, одна составляющая которой отражала последствия Первой мировой (глобальной) войны, а вторая была связана с историческими перспективами Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России.

Новаторская как по форме, так и содержанию аргументационная теория спора С. И. Поварнина вполне отвечала рожденной в Советской России общественной потребности в ценностях публичного слова и мысли, в использовании, выражаясь современным языком, интеллектуальных технологий работы с индивидуальным и общественным сознанием в гуманистическом ключе. В этом отношении развивавшиеся отечественным ученым

гуманные технологии существенно отличались от манипулятивных технологий работы с сознанием, которые до С. И. Поварнина разрабатывались в русле агональной идейной традиции, например, в концепции эристической диалектики А. Шопенгауэра.

В отличие от шопенгауэровской диалектики, гуманистическая теория спора С. И. Поварнина ориентировала своего пользователя не на безусловную победу над оппонентом с помощью тридцати двух искусных уловок, а на уважительное отношение к чужой вере и убеждениям и, в конечном счете, на уважение к «чужой личности», без которого, как известно, невозможен ни один диалог.

Поэтому нас сегодня не должно вводить в заблуждение указание на спор, а не на диалог в названии работы С. И. Поварнина. В начале прошлого века в соответствии с нормами словоупотребления в русском языке понятие спора было синонимом понятия «диалог».

Для С. И. Поварнина в диалоге (споре) определяющей была его цель. Он выделял, например, спор ради спора, спор для победы, спор как спорт и пр., отмечая, что в диалоге (споре) любого вида обязательно используются различные аргументы (доводы), выстраиваемые в определенные стратегии аргументации в соответствии с целями диалога.

Сформированное С. И. Поварниным в 20-х гг. прошлого века новое коммуникативно-диалогическое концептуальное направление развития теории и философии аргументации в СССР в 30–70-х гг. по разным объективным и субъективным причинам поддержки и продолжения не нашло. В лучшем случае его отдельные стороны частично и спорадически затрагивались в советских работах по ораторскому искусству, мастерству полемике в общественно-политической сфере.

Не в социально-политическом, а в когнитивном ключе проблемы аргументации как обоснования (но также безотносительно к особенностям аргументации) спорадически и не систематически рассматривались советскими философами в работах по диалектической логике (диалектике как теории познания). Не останавливаясь здесь на анализе и оценках результатов, полученных в советских работах по диалектической логике, уже

реализованных мною в других работах^{*}, далее сосредоточимся на особенностях рецепции проблем аргументации в советских работах по ораторскому мастерству.

В этих работах проблемы аргументации обычно рассматривались или с позиций риторики как искусства (мастерства) красноречия, зачастую сводились к освоению технологий дыхания, голоса, дикции аргументатора, или представлялись в свете особенностей структуры и правил логического доказательства (опровержения). Учитывая обязательную публичную общественно-политическую ориентацию аргументации в СССР, ораторско-логический ракурс анализа и оценки аргументации был вполне оправдан.

Важные когнитивные и ценностные установки советского риторического искусства неплохо иллюстрируются названиями двух востребованных в то время в идеологической работе КПСС работ Е. А. Ножина, профессора Академии общественных наук при ЦК КПСС: «Основы советского ораторского искусства» (1973)^{**} и «Идеологическая борьба. Вопросы и ответы» (в соавторстве с Н. М. Кейзеровым) (1987)^{***}. И сегодня было бы неправильно игнорировать представленные в них практические советы об особенностях аргументации в соответствии с принципами и законами риторики и логики, в том числе диалектической. Этим данные работы отличались от аналогичных советских работ по ораторскому искусству, изданных ранее. Например, от работ 1930-х гг. по политической риторике (в частности, В. А. Гофмана «Слово оратора: риторика и политика»^{****} и др.), а также, к примеру, от опубликованной в 1960 г. работы Э. М. Фальковича «Искусство лектора»^{*****} и др. В ранних советских работах по ораторскому искусству рассматривались прежде всего технологии пропаганды

^{*} См., например: Чуешов В. И. Основы современной логики. — Минск: Новое знание, 2003. С.53–57.

^{**} Ножин Е. Н. Основы советского ораторского искусства. — М.: Знание, 1973.

^{***} Кейзеров Н. М., Ножин Е. Н. Идеологическая борьба: вопросы и ответы. — М.: Политиздат, 1987.

^{****} Гофман В. Слово оратора (риторика и политика). — Л.: Из-во Писателей в Ленинграде, 1932.

^{*****} Фалькович Э. М. Искусство лектора. — М.: Госполитиздат, 1960.

идей марксизма-ленинизма. Идей, по определению, истинных для их пропагандистов, и, следовательно, нуждающихся не в аргументации, а в красочной иллюстрации, отчасти и в силу того, что эти идеи самими К. Марксом и В. И. Лениным выражались в валидном формально-логическом виде. В этом случае пропагандисту необходимо было строго следовать завету Аристотеля о том, что тот, кто сомневается в необходимости любить своих родителей, нуждается не в доказательстве, а в наказании.

Советские работы по ораторскому искусству ориентировали читателя на идентичность аргументации логическому доказательству (по структуре, цели), на искусное использование стилистических технологий ораторского мастерства. В результате в советском ораторском искусстве как концептуальной системе образовался когнитивный провал между риторико-стилистическим пониманием природы убеждающего рассуждения, с одной стороны, и трактовкой аргументации как логики доказательства, с другой. Поскольку истина (в данном случае истина марксизма-ленинизма) была убедительной сама по себе, она, действительно, в доказательстве как аргументации не нуждалась. С другой стороны, только кажущийся кому-либо удачным стилистический оборот для ее иллюстрации мог, однако, не только лучше раскрывать, но и маскировать ее аутентичное содержание.

Обобщая особенности эволюции рецепции проблем аргументации в СССР в 30–70-е гг. прошлого века, отметим, что работы по ораторскому искусству в то время широко тиражировались (например, книга Э. М. Фальковича в 1960 г. была издана 100 тыс. тиражом) и повсеместно транслировались через специально созданные организации (институты).

Среди них выделяются возникшие в первые годы Советской власти многочисленные атеистические кружки. Впоследствии на их основе было образовано общественное объединение по борьбе с религией и пропаганде атеизма: «Союз воинствующих безбожников СССР» (действовало в 1925–1947 гг.). В 1947 г. оно трансформировалось во Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (общество «Знание») (которое после 1963 г. стало называться Всесоюзным обществом «Знание»). В его рамках в СССР активно работали школы

лекторского мастерства, в т. ч. в советских высших учебных заведениях. В обиходе Всесоюзное общество «Знание» нередко именовалось «академией миллионов».

Организация лекций и занятий по ораторскому мастерству была обязанностью и работавших в каждой области, каждом крае и автономной республике СССР Домах политического просвещения (коротко, политпросвета). Они в СССР стали создаваться с 1956 г. на базе библиотек при территориальных организациях КПСС. Их работой руководили Отделы пропаганды и агитации областных, краевых и республиканских, а также городских органов КПСС. В них организовывались занятия в Вечерних университетах марксизма-ленинизма, в учебных программах которых искусству полемики, диалектической логики и т. п. отводилось заметное место. Вместе с тем мировоззренческая и методологическая база советского ораторского искусства была идеологически ограничена с двух сторон. Во-первых, необходимостью первоочередного освоения произведений классиков марксизма-ленинизма, в особенности их высказываний об ораторском искусстве и аргументации. Во-вторых, со стороны использования в качестве эталонов социально-исторической практики ораторского искусства деятельности руководителей советского государства и коммунистической партии (В. И. Ленина, И. В. Сталина, М. И. Калинина и др.).

Не удивительно, что в советское время такие теоретические источники современной отечественной теории и философии аргументации, как теория спора С. И. Поварнина, а также диалогическая диалектика М. М. Бахтина, отраженная в работе «Проблемы творчества Достоевского» (1929), полноценной поддержки и дальнейшего развития не получили. Что касается наследия классиков марксизма-ленинизма в области теории и философии аргументации, то и оно в силу своего разрозненного и несистематизированного характера в лучшем случае лишь заостряло внимание исследователей на различиях диалектики марксизма и диалогических концепций коммуникации западных ученых (Х. Перельмана, Ф. ванн Еемерена, Д. Уолтона, Ч. Хэмблина и др.).*

* Чуешов В. И. О генезисе взглядов К. Маркса на природу философской аргументации // Философские проблемы аргументации. Тезисы конференции. — Ереван: Армянская академия наук, 1984. С. 14–17.

Следовательно, не удивительно, что академический, профессиональный и дисциплинарно организованный интерес к системному научному и философскому исследованию особенностей аргументации в СССР, в том числе и через обращение к работам С. И. Поварнина, М. М. Бахтина, утвердился только в 1980-е гг., в преддверии прекращения существования могущественной державы.

Новаторский интеллектуальный вклад в позднем СССР в процесс утверждения интереса к теории и философии аргументации в академических кругах внесли, по-видимому, работы* (в которых мы не найдем ссылок на С. И. Поварнина, М. М. Бахтина), а в большей мере организаторская деятельность советского ученого, доктора философских наук, профессора, академика Академии наук Армянской ССР Г. А. Брутяна. Благодаря именно его усилиям в Ереване в середине 1980-х гг. сложился неформальный, а по своей географии всесоюзный центр, или «незримый колледж», философских и научных исследований проблем аргументации, а понятие «аргументация» стало все шире проникать в лексикон советской социогуманитарной науки.

Благодаря Г. А. Брутяну и сложившейся вокруг него группе авторов, занимающихся проблемами аргументации (в скобках упомянем только некоторых из них: первого в СССР доктора философских наук, защитившегося по теории и философии аргументации П. Ц. Агаяна («Критический анализ современных буржуазных концепций аргументации» (1987)**), Е. С. Акопджанян, опубликовавшую монографию «Художественная аргументация» (1991)***, С. Г. Оганесяна, автора рукописи о системе аргументации диалектического материализма 1990 г., защитившего докторскую диссертацию о предметной области теории аргументации в 1997 г.****). В Ереване в 1984 и 1986 гг. состоялись Всесоюзные

* Брутян Г. А. Аргументация. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984.

** Агаян П. Ц. Критический анализ современных буржуазных концепций философской аргументации. — Ереван: Из-во ЕрГУ, 1987.

*** Акопджанян Е. С. Художественная аргументация. — Ереван: Из-во АН Армении, 1991.

**** См.: Оганесян С. Г. Аргументация, ее предметная область и возможности. автор. дис. ... д-ра филос. наук 09.00.01. — Ереван, 1997.

научные конференции по проблемам аргументации^{*}. В их работе приняли активное участие ученые из многих уголков СССР, в том числе и автор данного текста.

Сегодня трудно переоценить значение, организованной в Ереване в 1984 г. первой Всесоюзной научной конференции, посвященной проблемам аргументации. Она не только стала триггером оформления в СССР специализированного академического, научно-исследовательского интереса как к философии и теории аргументации в целом, так и к ее видам, но и способствовала интенсификации процесса отечественной концептуализации исследований философской аргументации.

Как мне представляется, наличие определенного концептуального задела относительно сущности аргументации и особенностей ее различных аспектов и видов, а также высокая степень институционализации жизни научного сообщества, дифференциации функций учителя и учеников, позволяет утверждать о существовании первой в СССР Ереванской школы аргументации. Благодаря интеллектуальным и организаторским усилиям ее лидера Г. А. Брутяна, а также творческой деятельности его ереванских коллег, интерес к научному и философскому исследованию природы аргументации и ее отдельных сторон в 1980-е гг. в СССР превратился из индивидуального и локального во всесоюзный. В результате в различных научных центрах СССР в начале 1990-х гг. стали появляться работы, посвященные теории и философии аргументации. Среди них уместно указать лингвистические исследования аргументации как речевой деятельности А. Н. Баранова^{**}, философский анализ А. П. Алексеевым познавательных особенностей аргументации^{***}, изучение В. И. Курбатовым природы

^{*} Философские проблемы аргументации. Тезисы конференции. — Ереван: Армянская академия наук, 1984; Философские проблемы аргументации. Сб. статей. — Ереван: АН Армянской ССР, 1986.

^{**} Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. — Москва, 1990.

^{***} Алексеев А. П. Аргументация, познание, общение. — М.: Из-во МГУ, 1991.

социально-политической аргументации^{*}, В. И. Чуешовым философии логики и риторики аргументации^{**}, Я. С. Яскевич особенностей аргументации в науке^{***}.

Чуть позже появляются первые отечественные учебные пособия, в названии которых используется понятие аргументации (Г. И. Рузавина^{****}, А. А. Ивина^{*****} и др.), а отдельные результаты отечественных исследований по теории и философии аргументации уже в постсоветский период стали включаться также и в мировой теоретико-аргументационный оборот. Например, в одной из первых современных западных энциклопедических работ по теории аргументации, подготовленной коллективом авторов из Нидерландов, Канады, Франции, США, следующим образом интерпретировались результаты в области отечественной теории и философии аргументации: «Брутян и Нарский (1986) объединили несколько теоретических подходов в области, которую они называли аргументологией и рассматривали ее как сферу философских исследований, а Чуешов (1993) разработал теоретические и исторические основания аргументологии»^{*****}. Более чем за тридцать лет дальнейших отечественных исследований теории и философии аргументации их результаты стали разнообразнее.

^{*} Курбатов В. И. Социально-политическая аргументация (Логико-методологический анализ). — Ростов-на-Дону: Из-во Ростовского университета, 1991.

^{**} Чуешов В. И. Философия, риторика, аргументация. — Санкт-Петербург: СПбГУ, 1992.

^{***} Яскевич Я. С. Аргументация в науке. — Минск: Университетское издательство, 1992.

^{****} Рузавин Г. И. Логика и аргументация. — М.: ЮНИТИ, 1997.

^{*****} Ивин А. А. Основы теории аргументации. — М.: Владос, 1997.

^{*****} Fundamentals of argumentation theory: a handbook of historical backgrounds and contemporary developments / van F. H. Eemeren, R. Grootendorst, F. Snoeck Henkemans; A. Blair [etc.]. — New York: Routledge, 1996. P. 345; Чуешов В. И. Теоретико-исторические основания аргументологии: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00. — Санкт-Петербург, 1993. 331 л.; Чуешов В. И. Об ориентирах аргументологии в информационном обществе // РАЦИО.ru. 2017. № 1. С. 10–29.

Сегодня мы можем рассматривать их под разными углами зрения. Например, через призму существования школ в отечественной теории и философии аргументации. А также под углом видения особенностей институционального оформления и закрепления потребностей и традиций исследования проблем аргументации. Наконец, можно сосредоточить внимание на процессе создания и разработки тем или иным автором оригинальной концепции теории и философии аргументации. Выделенные в первом приближении только три измерения отечественного (советского и постсоветского) интереса к проблемам аргументации или интереса к ее школам, институционализации и концепциям, позволяют составить вполне репрезентативное представление о современном состоянии отечественной теории и философии аргументации.

В частности, вполне осмысленно и разумно говорить о существовании первой в СССР Ереванской школы аргументации, и о высокой степени ее институционализации. Вместе с тем и применительно к данной школе в некоторых отношениях еще открытым остается ответ на вопрос о наличии в ней стержневой концепции (парадигмы) изучения и оценки аргументации.

Серьезный институциональный и интеллектуальный вклад в разработку проблем аргументации на постсоветском пространстве внесла также организация работы секций по теории и практике аргументации в рамках проводимых философами в Москве и Санкт-Петербурге научных конференций по логике. Это и международные Смирновские чтения по логике в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (секция по аргументации на них появляется в 2009 г.), и международная конференция «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке» в Санкт-Петербургском государственном университете. Особое место в этом ряду занимали и научные конференции по аргументации с названием «Модели рассуждений» в Калининграде, организатором которых были В. Н. Брюшинкин и научное сообщество Балтийского федерального университета имени И. Канта.

Параллельно и внутри процессов оформления школ, а также институционализации интереса к проблемам аргументации шел процесс отечественной концептуализации теории и философии

аргументации. О его результатах в Санкт-Петербурге можно судить, например, по докторской диссертации Е. Н. Лисанюк, разработавшей логико-когнитивную формализованную концепцию аргументации, которая была защищена в МГУ им. М. В. Ломоносова^{*}.

Вместе с тем, несмотря на разработку в Санкт-Петербурге, Москве, а также в Минске определенных концепций теории и философии аргументации, говорить о существовании санкт-петербургской, московской или минской школ аргументации, по-видимому, еще преждевременно. Не умаляя при этом оригинальности, важности и значимости уже полученных в области теории и философии аргументации результатов Д. В. Зайцевым, Н. В. Зайцевой, В. Л. Васюковым, В. С. Меськовым, Е. Н. Шульгой, Е. Г. Драгалиной-Черной, О. В. Малюковой, А. С. Бобровой и др. в Москве, Е. Н. Лисанюк, И. Б. Микиртумовым, А. И. Мигуновым и др. в Санкт-Петербурге.

И, наоборот, особое место в современных отечественных исследованиях теории и философии аргументации занимает калининградская школа аргументации (в нее водят, как нам представляется, например, В. С. Попова, В. А. Чалый, А. Г. Пушкарский, Д. В. Хизанишвили, А. В. Мисюк, А. А. Савченко, Л. С. Сироткина, А. С. Труфанова, Г. Ю. Лобанов, Е. В. Журавлева и др.), создателем и лидером которой был В. Н. Брюшинкин.

2. Системная модель аргументации и аргументорика В. Н. Брюшинкина

Значимость Калининградской школы аргументации, созданной В. Н. Брюшинкиным, особенно зримо проявляется в том, что в ней соединялось в одно целое, а первоначально и в одном лице, и особенности школы в философии и теории аргументации, и российская специфика институционализации интереса к проблемам аргументации, и оригинальная концепция (парадигма) теории и философии аргументации.

^{*} Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.07. — Санкт-Петербург, 2015.

Оставляя здесь в стороне уже рассмотренные нами в другом месте особенности калининградской школы теории и философии аргументации в качестве до сих пор единственной на российском пространстве школы аргументации^{*}, далее сконцентрируем внимание на следующем. Сначала на понимании в рамках данной школы специфики институционализации российского интереса к проблемам аргументации, а затем на идеях и принципах концепции (парадигмы) теории и философии аргументации калининградской школы.

Начнем с того, что, согласно В. Н. Брюшинкину, существует по крайней мере два варианта (западный и незападный) интерпретации необходимости исследования проблем аргументации вообще и их роли в общественной жизни. Представляется, что с ним следует согласиться и в том, что общественная потребность в изучении аргументации всегда, в конечном счете, выражает как потребности отдельных индивидов, ощущающих противоречие между собой и средой (Гегель), так и групп людей, в частности, в сферах образования, политики, бизнеса и т. д., и т. п. Индивидуальную потребность в аргументации В. Н. Брюшинкин считал «более западной» (в соответствии с метафорой К. Поппера о том, что в открытом обществе битва мечей заменяется битвой слов), т. к. она основана на необходимости согласования в обществе интересов различных индивидов. По нашей терминологии, она является концептуализацией субъект-субъектной речевой коммуникативной реальности. Ее назначение связано с тем, что если принципиально и возможно согласование разных интересов разных субъектов в обществе, то наиболее подходящим инструментом для достижения этих целей является именно аргументация как социальная, речевая, рациональная деятельность. Использование аргументации, поэтому, способствует дальнейшему развитию общества, утверждению в его жизни ценностей демократии, субъект-субъектной структуры речевой коммуникативной реальности, и наоборот.

^{*} Чуешов В. И. О школах в теории и философии аргументации // Философские исследования. Минск: Беларуская навука, 2023. — С.122–134.

По оценкам В. Н. Брюшинкина, «западный мейнстрим — текстуальный анализ аргументации (неформальная логика, прагматика диалектика и т. д.), а субъективное, когнитивное направление — периферия»^{*}, при том что и последнее также представлено на Западе. Когнитивное направление изучения аргументации, согласно В. Н. Брюшинкину, ориентировано на изучение и использование, по нашей терминологии, особенностей субъект-объектной речевой коммуникативной реальности. По мнению лидера калининградской школы, недемократическое развитие общества предполагает отказ от использования и/или игнорирование потребности в аргументации в обществе. Вслед за В. М. Сергеевым, В. Н. Брюшинкин полагал, что поскольку «демократия означает рациональную организацию общества, в которой интересы высказываются явно, обосновываются и отстаиваются», то такой тип устройства «формирует запрос на критическую рациональность и разработку способов решения конфликтов позиций и мнений»^{**}.

Представляется, что очерченную выше общественную потребность в изучении и использовании аргументации можно было бы назвать политической потребностью в отличие от такой ее альтернативы, как потребность социально-психологическая. Первая базируется на законах политики как борьбы за власть или утверждении общего блага, а вторая — на регулярностях общественной психологии. В отличие от процедуры политического согласования интересов с помощью аргументации, социально-психологические закономерности раскрывают особенности «влияния общественных индивидов и общественных групп друг на друга»^{***}. Под влиянием в этой цитате имеется в виду изменение сознания (мыслей, чувств и т. д.) людей в результате их взаимодействия. Социально-психологическая потребность менее прозрачна и предсказуема по сравнению с политической и поэтому связана с техниками манипуляции, апелляциями не к сознанию и рациональности, а к бессознательному и иррациональному.

^{*} Брюшинкин В. Н. Аргументация: общество и сообщество // Модели рассуждений-5: аргументация, коммуникация, общество: сб. науч. ст. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 48.

^{**} Там же. С. 42.

^{***} Там же. С. 48.

Оценивая особенности российской институционализации интереса к аргументации, В. Н. Брюшинкин склонялся к выводу: «Похоже, что современное российское общество формулирует запрос на *модели аргументации, основанные на убеждении с компонентом манипуляции* (все выделено мною. — В. Ч.)»*. С этим, как представляется, вполне можно согласиться, по меньшей мере, отчасти, памятуя о традиционно недоверчивом отношении российского общества к рациональности в силу того, что, де, по словам поэта, «умом Россию не понять».

В. Н. Брюшинкин со своей стороны уместно обращал внимание на то, что, реализуемые в наши дни в отечественном образовании практики поступления в вузы через систему ЕГЭ, использования в процессе обучения разнообразных тестов, явно не способствует утверждению в жизни общества когнитивных стандартов рациональности и критичности, понимания личностью необходимости осваивать социально-личностные, академические, профессиональные компетенции аргументации.

Что касается конкретных механизмов реализации политических и социально-психологических общественных потребностей в изучении и использовании аргументации или роли в интересе к аргументации социального фактора, то позиция В. Н. Брюшинкина в этом вопросе состояла в следующем. Он вслед за Б. С. Грязновым исходил из того, что социальный фактор может выступать как творцом некоторой потребности, так и ее селектором, фильтром. Калининградский профессор пришел к выводу о том, что социальный фактор в российской действительности, в частности, в сфере науки и образования выполняет по преимуществу роль социального фильтра.

Представляется, что В. Н. Брюшинкин был прав в том, что в реальной жизни западная (политическая) и незападная (социально-психологическая) потребности в аргументации не исключают друг друга. На это, по его мнению, указывало, например, использование модели стратегического маневрирования в прагма-диалектической теории аргументации Амстердамской школы. Оно явно было не столько концептуальной

* Там же.

данью социально-психологической потребности, сколько вполне реалистичной констатацией важной роли в западном демократическом обществе не только рациональной, диалогической политической потребности в аргументации, но также маркетинга, рекламы, техник манипулирования и т. п.

В свете особенностей социально-психологической потребности в изучении и использовании аргументации, В. Н. Брюшинкин предпринял плодотворную попытку разработки собственной оригинальной системной модели аргументации (СМА). Эта модель представляет собой комплекс из алгоритма реконструкции «модели мира» адресата аргументации и системы аргументации, как единства ее логического, когнитивного и риторического аспектов. Акцентируя роль в аргументации когнитивного компонента, В. Н. Брюшинкин рассматривал аргументацию как познавательную деятельность, выделение моделей мира, лежащих в основе аргументации и характеризующих культуру народа к которому принадлежит данный мыслитель.

Реализация системной модели аргументации как комплексного алгоритма, связанного с реконструкцией «модели мира» адресата аргументации, включала следующие этапы:

1. построение схемы *логической аргументации*, структуры высказываний, обосновывающих ее главный тезис;
2. анализ переходов между высказываниями;
3. выявление логических пробелов в аргументации;
4. заполнение пробелов при помощи средств логики;
5. применение *когнитивных средств* (когнитивных схем, карт), при невозможности заполнить пробелы аргументации с помощью логических средств;
6. использование *риторических средств* с целью заполнения пробелов в логической аргументации^{*}.

^{*} См.: Брюшинкин В. Н. Достоинства и недостатки логического подхода к моделированию аргументации // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 12. С. 96–105; Брюшинкин В. Н. О двоякой роли риторики в системной модели аргументации // Модели рассуждений-4: аргументация и риторика: сб. науч. ст. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2010. С. 7–18.

В зависимости от того, какие средства — логические (Л), когнитивные (К) или риторические (Р) — играют в алгоритме аргументации основную, вспомогательную и дополнительную роль, В. Н. Брюшинкин выделял *шесть* вариантов данного алгоритма: ЛКР, ЛРК, КЛР, КРЛ, РЛК, РКЛ. Перед нами, фактически, программа построения оригинальной системной логико-когнитивно-риторической концепции аргументации, прототипом которой для В. Н. Брюшинкина являлась *аргументорика*^{*}. Введение им в оборот этого понятия было связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, название «аргументорика» было образовано сочетанием концепта логики с концептами риторики и аргументации. В. Н. Брюшинкин в соответствии с отечественной идейной традицией начала прошлого века исходил из того, что полноценной наукой об аргументации является логика. Она, однако, в силу высокого уровня использования в ней абстракций отвлекается по преимуществу (за исключением таких ее современных разделов, как модальная логика, временная логика и т. д.) от содержательных сторон эффективной мыслеречевой коммуникации. В отличие от логики другая предметная область исследования аргументации, риторика, являлась для него слишком эмпирической, т. к. в ней все еще не были выработаны универсальные формальные правила убедительного рассуждения.

Промежуточное положение у Аристотеля между логикой и риторикой занимала топка, которая, как полагал В. Н. Брюшинкин, в прошлом веке и «стала называться *теорией аргументации*»^{**}.

Последнее понятие, однако, страдает «двусмысленностью», т. к. уже известные концепции аргументации все же еще не вполне теории, и к тому же их существует не одна. У современного исследователя также отсутствуют четкие критерии отнесения некоторой концепции аргументации к теории. Всё в целом это означало, что для того чтобы превратить некоторую

^{*} Брюшинкин В. Н. Аргументорика: исходная абстракция и методология // Модели рассуждений – 2: аргументация и рациональность: сб. науч. ст. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 7–19.

^{**} Там же. С. 9.

концепцию аргументации в настоящую *теоретическую* дисциплину, ее необходимо формулировать и развивать именно как аргументорику.

Аргументорика, в отличие от логики, имеет эмпирический базис. В отличие от риторики она более теоретична в процессе моделирования реальных рассуждений. В аргументорике, претендующей, по мнению В. Н. Брюшинкина, на статус полноценной теории аргументации, используются следующие теоретические предпосылки.

Предпосылка о том, что родовым для аргументации является понятие коммуникации, и коммуникативная специфика аргументации состоит в том, что в ней предполагается взаимное влияние субъектов коммуникации, их диалог. С этой точки зрения реализуемые в риторике и когнитивной науке модели диалога являлись неудовлетворительными (риторическая модель как слишком эмпирическая, а когнитивная как чрезмерно разнокачественная и абстрактная). Вот почему не логика, риторика и когнитивистика, а аргументорика как фундамент теории и философии аргументации является более реалистичной во всех отношениях. При этом автор идеи аргументорики допускал, что в ее рамках может сосуществовать множество конкурирующих между собой теорий аргументации.

Собственную теоретическую модель аргументорики В. Н. Брюшинкин, как уже было отмечено выше, назвал *системной моделью аргументации*, а ее первый эскиз представил еще в 2000 г.*

Фундаментом теории аргументации В. Н. Брюшинкин ожидаемо считал логику дедукции, доказательство, которое только и способно остановить (на деле, конечно, по-видимому, лишь *приостановить*) процесс аргументации. Развиваемая им системная модель аргументации, как соединение логики с теорией аргументации, или, в известном смысле, отечественная модель не- и информальной логики, должна была стремиться

* Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений. — Калининград: КГУ, 2000. С. 137–160.

к формальной логике как своему пределу. По крайней мере, другая, чем логическая, граница для аргументорики, как он признавал, им еще не найдена*.

Системная модель аргументации предполагала использование различных когнитивных и концептуальных средств для того, чтобы способствовать повышению уровня рациональности жизни российского общества, усиливать в нем согласованность интересов, формировать и развивать аргументацию не столько, как инструмент влияния, сколько как технологию переговоров и согласования личных и общественных интересов.

Вместо заключения

В завершении нашего беглого анализа системной модели аргументации и аргументорики можно подчеркнуть, что в них была реализована новаторская попытка соединить в одно коммуникативно-когнитивное целое логику (которую можно уподобить коню), риторику (эту, по словам поэта, «трепетную лань»), а также социальную психологию и когнитивистику, образные характеристики для которых сегодня подобрать пока затруднительно.

Калининградскую школу аргументации сегодня, как мне представляется, будет правильно называть школой отечественной теории и философии аргументации также еще и потому, что в ней процесс дальнейшего развития системной модели аргументации в рамках предметной области аргументорики, который был начат В. Н. Брюшинкиным, еще не окончен и продолжается. Как продолжается в судьбе книг и учеников, а также вольных или невольных последователей той или иной концепции (теории) аргументации жизнь яркой, творческой интеллектуальной личности ученого и философа.

В. И. Чуешов

* См.: *Брюшинкин В. Н. Аргументация: общество и сообщество // Модели рассуждений-5: аргументация, коммуникация, общество: сб. науч. ст. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 44.*